

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА: К РАССМОТРЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

В статье исследуются правовые особенности функционирования Интернета. Особое внимание уделено необходимости четкого правового регулирования передаваемой в Сети информации, которая служит основанием для публикаций СМИ. Автор анализирует выдвинутые в 2000-х гг. международные инициативы по созданию системы юридического регулирования Интернета и причины низкой эффективности мер, принятых в этом направлении. В данном контексте предлагается в качестве дискуссионной проблема дальнейшей перспективы Интернета как источника ответственной информации.

Ключевые слова: СМИ; Интернет; киберугроза; пропаганда; информационная безопасность; информационная агрессия; экстремизм.

Развитие Интернета ставит на повестку дня актуальную проблему: могут ли быть границы свободы слова в виртуальном пространстве? Данная проблема до сих пор не получила четкого обоснования в международной юридической практике, что делает сложным однозначную трактовку различных ситуаций применительно к виртуальному пространству. Можно ли, например, называть экстремистским интернет-сайт, агрессивно отстаивающий права и свободы различных политических, социальных, этнических и других групп? Или он пользуется законным правом на свободу слова и отстаивает свои права в соответствии с конституциями многих стран? А как быть, скажем, с усилением в том же Интернете позиций религиозных сект, разрешенных в одной стране, но запрещенных в другой? Являются ли ограничения их деятельности законными или, наоборот, препятствуют гарантированному праву на свободу вероисповедания?

Ответить однозначно на сформулированные выше вопросы трудно. Прежде всего, по причине того, что Интернет, как система распространения самой различной информации, сегодня функционирует без должного правового обоснования. Это не только российская данность. По-прежнему затруднительно назвать страну, где бы он стал предметом самостоятельного и детального правового регулирования [18, 40]. Более того, нигде в мире не существует оргструктуры, являющейся единоличным собственником национальной или территориальной сети. Правда, пользователи Интернета априори должны соблюдать правовые акты в области массовой информации, принятые в той или иной стране. Например, в России деятельность в области интернет-СМИ подпадает де-юре под существующий закон о СМИ. Имеющиеся ограничения

СТРОВСКИЙ Дмитрий Леонидович — доктор политических наук, профессор кафедры истории журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: strovsky@mail.ru).

касаются, например, недопустимости цензуры, злоупотребления свободой массовой информации, прав и обязанностей журналиста и т. д. Вместе с тем отмеченные требования носят общий характер и не имеют своей специфики по отношению к Интернету.

«Половинчатое» право

Неоднократные попытки изменения сложившейся ситуации предпринимались в международном масштабе. Они начались практически с того момента, когда Интернет стал реальным фактором развития современного медиапространства. К примеру, в Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой в 2000 г., отмечались «огромные возможности», реализуемые посредством Интернета. На протяжении всего документа транслировалась мысль о важности внедрения в жизнь новых информационных технологий как необходимого стимула развития демократических ценностей, таких как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей [8]. По существу, весь текст хартии был пронизан идеей беспрепятственного движения информации, без каких-либо ограничений этого процесса.

В свою очередь, Совет Европы и ОБСЕ попытались поставить на обсуждение возможность сохранения баланса между свободой слова и ограничениями, налагаемыми на создание и распространение «спорной» информации. Так, в мае 2003 г. была принята Декларация о свободе общения в Интернете (Declaration on Freedom of Communication on the Internet). В документе говорилось уже не только о свободе слова, но и о морально-этических ограничениях на авторское творчество (правда, без уточнения, как конкретно добиться этого). При этом осуждались какие-либо попытки контроля над содержанием Интернета [20]. Предлагаемые приоритеты подкреплялись ссылками на статью 10 о свободе слова и информации (Article 10 on Freedom of Expression and Information) Европейской конвенции по правам человека. Основной смысл этой статьи сводится к неукоснительному соблюдению принципа свободы слова, недопустимости каких-либо ограничений на ее выражение, за исключением потенциальных угроз в отношении этой свободы, таких как возможное возникновение беспорядков, совершение преступлений, угроза здоровью и общепринятой морали, разглашение конфиденциальной информации и т. д. В соответствии с этим в упомянутой выше декларации отмечалось, что «меры по контролю сообщений в сети Интернет, независимо от государственных границ, должны оставаться исключением» [4]. Однако в самой постановке вопроса о приоритете информационной свободы нивелировалось понятие ответственности создателей интернет-сообщений за их распространение.

Вероятно, осознавая «лакуны» правового регулирования Интернета, представители международного сообщества в дальнейшем пытались внести ясность в этот вопрос. В 2004 г. в Амстердаме (Нидерланды) проходила очередная конференция ОБСЕ, на которой вновь обсуждалось, следует ли сохранять

в неизменном виде принцип свободного доступа к интернет-информации. Признавалась, в частности, невозможность повлиять на этот процесс, за исключением запретительных мер. Вопрос о разработке отдельного законодательства в сфере Интернета между тем так и остался открытым [16].

В свою очередь, в ходе собравшейся в 2005 г. в Варшаве (Польша) конференции Совета Европы было заявлено о необходимости «уточнения содержания» Конвенции по предотвращению терроризма (The Convention on the Prevention of Terrorism), принятой ранее этой же организацией. В имеющемся тексте конвенции ничего не говорилось о роли Интернета как источника возникновения террористических угроз, и поэтому предлагалось обратить внимание на решение данного вопроса. Отмечалось, в частности, что пропаганда терроризма посредством Интернета ставит целью «серьезно запугать» население и поэтому должна пресекаться [15]. Однако механизм этого пресечения выработан не был. Также оставалось непроясненным, можно ли считать инициаторов распространения опасной информации пособниками терроризму, поскольку отмеченная выше конвенция делала различие между теми, кто *совершает* террористический акт, и теми, кто *сообщает* о нем.

Не внесла большей конкретики в решение вопроса о правовых основах Интернета и международная конференция в Страсбурге (2007), проходившая под эгидой Совета Европы. Ее цель состояла в том, чтобы посредством сотрудничества разных стран снизить вероятность преступных деяний в интернет-сети. Речь шла, в частности, о недопустимости распространения в Мировой паутине идей расизма и ксенофобии. По этому поводу были составлены даже проекты специальных протоколов, которые впоследствии подписали страны — члены Совета Европы [17].

Однако ситуация и после этого, по существу, осталась без изменений: интернет-пространство по-прежнему продолжало порождать большое количество «спорных» текстов. Отдельные страны (Китай, Бирма, Саудовская Аравия, Египет, Иран, Северная Корея и ряд других) посчитали, что подобная ситуация представляет собой угрозу их безопасности, и ввели ограничения на распространение интернет-информации. Большое число сайтов попало под закрытие, что еще в 2006 г. предопределило статус этих стран как «врагов Интернета» (по мнению влиятельной международной общественной организации «Репортеры без границ»). По итогам 2012 г. «Репортеры без границ» назвали 12 таких стран. Помимо тех, что указаны выше (за исключением Египта), в их числе оказались также Беларусь, Бахрейн, Вьетнам, Сирия, Узбекистан и Туркменистан [3]. Примечательно, что с 2007 г. в отчетах этой организации имеется раздел «Страны под наблюдением», в котором в 2012 г. значились 13 стран, включая не только «традиционно ненадежные» Россию, Казахстан, Тунис, Эритрею, но и Францию, Южную Корею, Австралию и Индию [3].

В свою очередь, по данным OpenNet, еще одной общественной организации, проводящей мониторинг СМИ, в 2009 г. 25 стран из сорока были замечены в контроле над онлайн-информацией. В последние годы этот процесс только усиливается. К примеру, с июля по октябрь 2011 г. Австралия заблокировала

доступ к более чем 500 веб-сайтам. На программу по реализации мер, ограничивающих доступ населения к «нежелательной» информации, это государство выделило 9,8 млн долл. США. Схожие меры использует и Канада. Уже почти два десятилетия там не прекращаются дебаты, касающиеся мер, предусмотренных разделом 13-го акта о правах человека. Данный документ многими гражданами этой страны рассматривается как инструмент цензуры, ограничивающий их права на свободу слова [13].

Можно осуждать все эти попытки создания ограничений в интернет-пространстве, считая их недемократическими. Вместе с тем при отсутствии четких правовых критериев регулирования онлайн-сферы эти усилия остаются для властных структур современных стран единственной возможностью защитить свою информационную безопасность — в том виде, как они это понимают.

Российские законодательные инициативы: сложности формирования

Контроль над регулированием Интернета остается сложным главным образом потому, что, в отличие от обычных СМИ, онлайн-пространство не подчиняется какому-либо контролирующему органу и не имеет территориальной «прописки». Интернет, как уже отмечалось, не имеет единого организационного начала и не создан как международная организация. У него также нет обособленного имущества, так как используемые в нем материальные и информационные ресурсы принадлежат на праве собственности самым разным субъектам. На этом фоне возникает очевидное противоречие: с одной стороны, Всемирная сеть по-прежнему остается «ничейной», а с другой — является объектом постоянной критики со стороны как отдельных стран, правительств, так и политических, общественных групп.

«Бесхозность» Интернета и стремительное развитие информационных технологий создают благоприятную почву для развития международной конфликтности и — в качестве ее проявления — информационного экстремизма.

Беспроводная компьютерная связь с внешним миром (WiFi) резко повысила активность транслирования интернет-провокаций, создав дополнительные возможности для террористических выпадов [19]. То, что технология ведения агрессивных действий посредством Интернета успешно развивается, подтвердили теракты, имевшие место за последние два десятилетия в Мадриде, Лондоне, Нью-Йорке, Стамбуле, Москве, индийском Мумбаи и других крупных городах мира. Информация о подготовке и проведении взрывов в ряде случаев была взята из Интернета. При этом наличие все того же WiFi зачастую не позволяет установить местонахождение главного источника угрозы. Аналогичная ситуация отмечалась и в ходе развития Арабской весны: онлайн-сфера сыграла существенную роль в активизации населения и распространении уличных беспорядков. В последние годы появился даже новый термин — «электронный джихад», или «кибертерроризм» [11].

Все сказанное выше является актуальным и для России. Активное развитие компьютерных технологий вкупе с усилением социокультурных, междуна-

циональных, религиозных и других современных вызовов приводит к тому, что у нас, как и во всем мире, возрастает опасность усиления информационной агрессии в Интернете. Сегодня озвучиваются самые разные предложения о том, как остановить эту агрессию. По мнению О. А. Матвейчева, советника Управления Президента РФ по внутренней политике, сложившаяся ситуация диктует необходимость принятия специального закона, запрещающего освещение терактов в СМИ и Интернете [2]. Правда, О. А. Матвейчев не уточнил, как добиться искомого результата, с учетом того, что информационный процесс давно перешагнул территориальные границы, и любой очевидец события имеет возможность оперативно зафиксировать происходящее.

Следует признать, что внимание российской власти к этому вопросу обозначилось не сегодня.

Еще в конце 1990-х гг. Госдума РФ приняла *Концепцию российского законодательства в области Интернета*, сформированную на основе Конституции и Гражданского кодекса РФ, а также ряда существовавших на тот момент времени федеральных законов, связанных с распространением информации. В концепции отмечалась необходимость выполнения следующих задач: 1) разработки новых законодательных и иных нормативных актов, учитывающих специфику функционирования Всемирной сети; 2) изменения существующей законодательной базы с целью ее адаптации к существующим правоотношениям; 3) создания (или разъяснения) механизмов прямого использования действующих законодательных актов применительно к Интернету. При этом говорилось о том, что проблемы, связанные с Интернетом, должны решаться без использования методов государственно-правового регулирования и только на уровне организационного взаимодействия участников интернет-сообщества. Это объяснялось тем, что «действующее в Российской Федерации право, в том числе уголовное, содержит достаточные правовые гарантии для обеспечения информационной безопасности пользователей и операторов Интернета» [9].

Провозглашенный принцип невмешательства российского государства в виртуальное информационное пространство был обусловлен отсутствием на тот момент киберугроз. Они стали явью уже в последующие годы. Это привело к восприятию Интернета как информационного источника, создающего реальную опасность для государственной системы.

Так, в сентябре 2004 г. председатель комитета по законодательству Госдумы РФ П. Крашенинников публично заявил о необходимости рассматривать пропаганду экстремизма как основу для уголовного преследования [1]. Из этого косвенно следовало, что только органы власти вправе выносить заключение относительно того, провоцирует ли данный информационный источник экстремистские настроения или нет. Однако П. В. Крашенинников не уточнил, могут ли интернет-сайты быть причислены к источникам пропаганды. Тогда же заместитель министра по информационным технологиям и коммуникациям Д. А. Милованцев пояснил, что источники онлайн-информации не могут быть приравнены к традиционным СМИ [6]. Вместе с тем он также не дал ответа на вопрос, как с точки зрения действующего законодательства следует их воспринимать.

Правовое регулирования интернет-сайтов осложняется не только тем, что выдвигаемые меры вступают в противоречие с правами личности на свободу слова. По-прежнему остается непонятным, по каким именно критериям определять провокационность интернет-сообщений. На встрече в Париже представителей ОБСЕ и России в 2004 г. заместитель начальника Управления по защите конституционной системы и борьбе с терроризмом ФСБ России В. В. Остроухов предложил разделить все сайты на четыре группы:

- 1) сайты, открыто поддерживающие идеи экстремизма, сепаратизма и терроризма (как основы радикальных идей ислама);
- 2) сайты, распространяющие религиозные доктрины и идеи сект;
- 3) сайты, продвигающие ксенофобию на основе определенной расовой или национальной принадлежности (националистического и антисемитского свойства);
- 4) сайты, стимулирующие незаконные действия (например, дающие информацию о том, как в домашних условиях производить взрывчатые вещества и яды) [21].

Можно предположить, что помимо классификации сайтов российская сторона должна была предложить контрмеры по их нейтрализации. Однако этого не прозвучало ни тогда, ни на Всемирном конгрессе в Тунисе (2005), на котором вновь обсуждались вопросы координации международных усилий в сфере Интернета.

Сегодня, спустя девять лет, российские законодатели, по существу, не продвинулись в решении этого вопроса. Как не продвинулись они и в отношении обеспечения законодательного статуса интернет-сферы. Правда, в постановлении пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами закона РФ “О средствах массовой информации”», принятом в июне 2010 г., уточнялись отдельные положения по поводу интернет-деятельности. В документе, в частности, указывалось, что в выходных данных любого интернет-сайта должны значиться зарегистрировавший его орган и регистрационный номер (за их отсутствие теперь может последовать правовая ответственность). Было отмечено также, что на Интернет распространяются российские правила размещения рекламы (в соответствии с Федеральным законом «О рекламе»). Оговаривалось, что интернет-сообщения подпадают под юридические положения о злоупотреблении информацией и могут быть удалены с сайтов по решению суда [12]. Однако в рамках предложенных разъяснений вопросы классификации и содержания онлайн-информации не поднимались, что, по существу, оставило проблемное поле Интернета без изменений.

За последующие годы вопросы, связанные с определением качества этой информации, так и не получили своего развития. Правда, в ноябре 2013 г. депутаты от партии «Единая Россия» выступили в Госдуме с инициативой приравнять популярные отечественные блоги к СМИ, но вопрос с самого начала выглядел непроработанным. Куратором разработки проекта был назначен С. В. Железняк. Однако он сразу же опроверг это сообщение [6]. Поставленная же на обсуждение тема также пока не получила своего продолжения. Очевидно, впрочем, что при инициировании этого вопроса депутатами двигало желание поставить под свой контроль интернет-информацию, которая, в от-

личие от традиционной печатной и аудиовизуальной информации, по-прежнему не подконтрольна законодательной власти. Однако как эффективно это сделать, народные избранники, видимо, пока не знают.

В сфере правового обеспечения интернет-деятельности применительно к России на данный момент следует обозначить несколько наиболее острых проблем, требующих оперативного решения. *Во-первых*, необходима регистрация доменных имен. Это может быть обеспечено за счет внесения закона о товарных знаках (закон в какой-то мере будет препятствовать воровству этих знаков и другой интеллектуальной собственности субъектов). *Во-вторых*, требует пересмотра ряд положений российского Закона «Об информации, информатизации и защите информации», особенно в части защиты персональных данных и иной личной информации, присутствующей в Интернете. *В-третьих*, в серьезном уточнении нуждаются положения Доктрины информационной безопасности, принятой еще в 2000 г. и действующей по сей день, в частности формулировки о соотношении прав государства, общества и личности, которые по-прежнему носят размытый характер и даже противоречат друг другу. Все это в конечном итоге будет способствовать созданию большей безопасности информационной сферы.

Есть и другие немаловажные вопросы, влияющие на юридические аспекты функционирования Интернета и правовую защищенность граждан. Так, не определены надлежащим образом основные категории правовой базы Интернета, в частности понятия «интернет-споры», «киберопасность», «кибербезопасность». Не установлен, кроме того, круг участников процесса управления Интернетом и их функции при распространении информации через информационно-коммуникационные сети. Не определены правила установления места и времени совершения юридически значимых действий при использовании Интернета [10]. Есть еще одна проблема: отсутствие юридически обоснованной ответственности сервис-провайдеров за содержание размещаемой информации. Решение этой проблемы усугубляется тем, что недостаточно только обнаружить нарушителя в интернет-сети, нужно собрать и закрепить доказательства нарушения и убедить в этом суд, который принимает решение в соответствии с процессуальным доказательством [14].

Названные проблемы и меры их решения не всегда связаны с защитой от терроризма, однако они являются составляющими комплексной безопасности граждан, предотвращающими непредвиденную утечку информации и обеспечивающими гарантии прав граждан на получение сбалансированной, взвешенной информации.

Говоря о пресечении террористических угроз, инициируемых Интернетом, необходимо определиться, что все-таки понимать под этим явлением и каковы содержательные особенности текстов, подтверждающие наличие таких угроз. Не менее важным является определение статусного положения интернет-блога и других «продуктов» интернет-деятельности. В противном случае предупреждения в адрес блогеров и наказания за «необъективную» и иную «порочащую» информацию будут постоянно противоречить существующему законодательству в отношении уже закрепленных прав граждан на свободу

слова и СМИ. Кроме того, под эгидой Президента РФ мог бы существовать общественный совет, который бы взял на себя ответственность за разработку и контроль отдельного закона, *обеспечивающего интернет-права и ответственность граждан* (с учетом большого числа конфликтных ситуаций, возникающих в виртуальном пространстве).

В отсутствие такого закона все действия государства по вмешательству в интернет-пространство выглядят непоследовательными и порождают вопросы об их законности.

К примеру, ФСБ России уже сегодня стремится контролировать интернет-информацию по своему усмотрению. По сообщению газеты «Коммерсант», спецслужбы уже согласовали проект приказа Минкомсвязи РФ, в соответствии с которым к 1 июля 2014 г. все интернет-провайдеры обязаны установить на свои сети оборудование для записи и хранения интернет-трафика на срок не менее 12 часов. При этом спецслужбы получают прямой доступ к таким записям. Под контроль попадут телефонные номера, IP-адреса, имена учетных записей и адреса электронной почты пользователей социальных сетей. Российское правительство также внесло в Госдуму законопроект, предлагающий наделить ФСБ оперативно-розыскными полномочиями в сфере информбезопасности. В документе и пояснительной записке поставлен вопрос об усилении угроз национальным интересам в этой сфере, ввиду того, что «отмечена активизация межгосударственного информационного противоборства, зафиксированы случаи распространения вредоносного софта, используемого в качестве информационного оружия, не исключена возможность использования информационных телекоммуникационных технологий для совершения терактов» [7].

Очевидно, что отмеченные действия, если начать их реализацию на практике, вступают в противоречие с Конституцией РФ, и в частности со статьей 23, определяющей право каждого на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и допускающей ограничение этого права только на основании судебного решения. Одновременно будут нарушены и законы более низкого уровня, в числе которых Федеральный закон «О защите персональных данных», также зафиксировавший недопустимость распространения этой информации до решения суда.

Вместо заключения

Вопросы правовой классификации интернет-информации и контроля над ней по-прежнему остаются нерешенными во всем мире. Многочисленные обсуждения специфики функционирования онлайн-сферы, инициированные Советом Европы и другими международными организациями, не привели к решению главной проблемы — определения юридической природы Интернета. Является ли он, например, субъектом международного права? Если да, то какой нормативной базой следует руководствоваться в этом случае?

Нерешенность этих и многих других вопросов применительно к международному сообществу объясняется культурными и политическими традициями различных стран и народов, их разными представлениями о свободе ин-

формации, правовой и моральной ответственности за ее распространение и т. д. Все это порождает сложности формирования единых представлений о качестве и достоверности интернет-сообщений. Отсутствие нормативно-юридического регулирования онлайн-пространства влечет за собой сложности в соблюдении прав как распространителей информации, так и ее потребителей. Это приводит к дальнейшему развитию киберопасности и нарушению прав граждан на получение объективной информации. Россия в данном случае подтверждает наличие всех обозначенных проблем.

1. В УК будут внесены поправки в связи с угрозой терроризма — Глава комитета по законодательству ГД, 27.09.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-274542.html?page=8> (дата обращения: 02.02.2014).

2. Власти предлагают запретить писать в Интернете о терактах, 30.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://hideme.ru/news/vlasti-predlagajut-zapretit-pisat-v-internete-o-teraktah.htm> (дата обращения: 22.05.2014).

3. Враги Интернета-2012, 12.03.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xaker.ru/post/58407/> (дата обращения: 24.05.2014).

4. Декларация о свободе общения в Интернете (Страсбург, 28.05.2003, принята Комитетом министров на 840-м заседании заместителей министров) [Электронный ресурс]. URL: http://nkag.org.ua/index.php?plugin=Content&path=Documents/Ur_docum_mejd_dorov/internet_glasn (дата обращения: 21.05.2014).

5. Концепция российского законодательства в области Интернета (О развитии глобальной сети Интернет в России), 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libertarium.ru/17834> (дата обращения: 03.02.2014).

6. Милованцев: Интернет не должен признаваться как СМИ, 06.10.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://justalittledeal.info/милованцев-интернет-не-должен-призна/> (дата обращения: 02.02.2014).

7. *Новый В., Рожков Р., Черненко Е.* ФСБ хочет получить полный доступ к данным пользователей Интернета, 21.10.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2324684> (дата обращения: 6.02.2014).

8. Окинавская хартия глобального информационного общества (2000) [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/monahov_svoboda/04.aspx (дата обращения: 21.05.2014).

9. Приравнивают ли блоги к СМИ? 04.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://nachaloes.ru/archive/id563.html> (дата обращения: 09.02.2014).

10. *Перчаткина С. А., Черемисинова М. Е. и др.* Социальные интернет-сети: правовые, аспекты [Электронный ресурс]. URL: <http://xwww.center-bereg.ru/734.html> (дата обращения: 24.05.2014).

11. *Полякова Т. А.* Вопросы ответственности за использование информационно-телекоммуникационных систем в террористических и экстремистских целях // Рос. следователь. 2008. № 1. С. 24–27.

12. Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.06.2010, № 16, г. Москва, «О практике применения судами закона РФ “О средствах массовой информации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/06/18/smi-vs-dok.html> (дата обращения: 27.05.2014).

13. Свобода слова в Интернете, 09.10.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cominformua.com/razdeli/trudova-ukraina/item/287-svoboda-slova-v-internete> (дата обращения: 21.05.2014).

14. *Терещенко Л. К.* Правовые проблемы использования Интернета в России, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/7479> (дата обращения: 24.05.2014).

15. Convention on the Prevention of Terrorism, Council of Europe, Warsaw, 16 May, 2005 [Electronic resource]. URL: www.coe.int (accessed: 18.10.2009).
16. Guaranteeing Media Freedom on the Internet, OSCE, 29.11. 2004 [Electronic resource]. URL: www.osce.org/features/show_feature.php?id+230 (accessed: 18.10.2009).
17. International Conference in Strasbourg to Discuss Cybercrime Fight, ITAR-TASS, 11.06.2007 [Electronic resource]. URL: <http://itar-tass.com/eng> (accessed: 18.10.2009).
18. *McQuail D.* McQuail's Mass Communication Theory. 5th ed. L., 2005.
19. Militants Educated in Cyber Training Camps, Stuff, 22.11. 2007 [Electronic resource]. URL: www.stuff.co.nz (accessed: 18.10.2009).
20. New Council of Ministers Response to the Regulatory Challenges Posed by the Internet, Press Service, Council of Europe, 291a (2003) Strasbourg, 31.05.2003 [Electronic resource]. URL: [http://press.coe.eu.int/cp/2003/291a\(2003\)htm](http://press.coe.eu.int/cp/2003/291a(2003)htm) (accessed: 30.11.2009).
21. Security Services Concerned About Terrorism and Xenophobia on Internet, Mosnews, 16.06.2004 [Electronic resource]. URL: www.mosnews.com (accessed: 18.10.2009).

Статья поступила в редакцию 27.05.2014 г.

УДК 070:27-29 + 316.74:27

Л. А. Ткаченко

ТРАНСЛЯЦИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена проблеме освещения важных церковных и общественных событий в религиозных средствах массовой информации, а также вопросам формирования православной культуры через епархиальные СМИ. На рубеже веков наблюдается кризис духовно-нравственного состояния общества, поэтому для православных СМИ одной из главных задач становится освещение вопросов, связанных с историей Русской православной церкви, традиционной культурой, духовными и нравственными ценностями, современной церковной жизнью. В статье рассматривается важность православной культуры и ее статус в государстве. Также приводится ряд проблем, связанных с трансляцией церковной информации в епархиях Русской православной церкви.

Ключевые слова: церковная журналистика; православные СМИ; медиахолдинг; православная культура; духовно-нравственное воспитание; епархия; Русская православная церковь.

В начале XXI в. наблюдается особое внимание к изучению православной культуры. Это вызвано процессами, произошедшими в России в конце XX в. Активная межкультурная коммуникация стала следствием стремительного экономического развития большинства стран, глобализации в сфере экономики, а также инноваций в науке и технике. Безусловно, все эти процессы отразились и на общественном сознании, привели к пониманию важности много-

ТКАЧЕНКО Лилия Анатольевна — соискатель ученой степени кандидата филологических наук, исполнительный директор медиацентра Новосибирской епархии, редактор газеты «Вестник Новосибирской митрополии», г. Новосибирск (e-mail: iya2003@mail.ru).

© Ткаченко Л. А., 2014